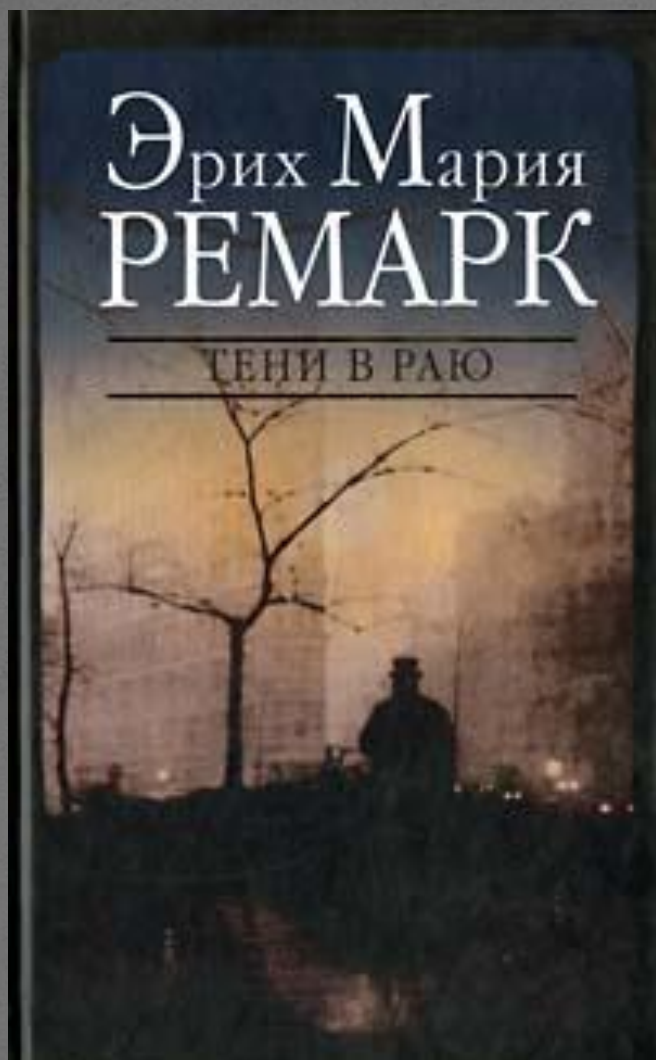

A painting of a wooden chair on a dark, textured floor. The chair is positioned in the upper left corner, and a long, dark shadow is cast across the floor towards the bottom right. The floor has a mottled, greenish-brown texture. The overall mood is somber and contemplative.

Эрих Мария Ремарк
Тени в раю

В Европе еще идет война. Главный герой, спасаясь от гестапо и жандармов, от тюрем и концлагерей, после долгого и опасного пути добрался до Америки. Их много таких, прибывших в Америку, в надежде переждать страшный военный катаклизм, чтобы потом вернуться домой. Они с разным успехом пытаются устроиться в мирной жизни, но война оставила слишком глубокую рану в душах, и избавиться от боли практически невозможно.

«**Тени в раю**» (нем. *Schatten im Paradies*) — роман Эриха Мариа Ремарка, опубликованный его вдовой в **1971** году, уже после смерти писателя. Текст неавторизован. Рукопись носила рабочее название *Das gelobte Land* («Земля обетованная») и была переработана и сокращена издательством *Droemer Knaur*. Более поздняя версия романа (неоконченная) была опубликована под авторским названием в 1998. На русском языке обе книги издаются как разные произведения.

Эрих Мария Ремарк (*Erich Maria Remarque*,
урождённый Эрих Пауль Ремарк) — немецкий
писатель XX века.

Это произведение описывает, как люди, измученные годами войны, бегством и тюрьмами, вошли в рай под названием США. Отсюда и столь точное сравнение в названии романа — «Тени в раю». По сути весь роман пронизан описаниями трагедий в жизни переселенцев, и каждый из них по-своему справляется с психологическими и физическими травмами, нанесенными войной.

— В этой гостинице без конца плачут, — сказал я, прислушиваясь к сдерживаемым рыданиям в плюшевом холле, которые доносились из угла, где стояли кадки с растениями. — И почему-то обязательно под пальмами.

— В каждой гостинице много плачут, — пояснил Меликов.

— В отеле «Ритц» тоже?

— В отеле «Ритц» плачут, когда на бирже падает курс акций. А у нас, когда человек внезапно осознает, что он безнадежно одинок, хотя до сих пор не хотел этому верить.

— Реальная война — это та,
что происходит у тебя на родине.
Все остальное нереально.

— Но людей убивают.

— У человеческого воображения
плохо со счетом. Собственно,
оно считает только до одного.
То есть до себя самого.

*Нет ничего утомительнее,
чем присутствовать
при том, как человек
демонстрирует свой ум.
В особенности если ума нет.*

*Всегда надо жить так,
будто прощаешься навеки.*

— Вы, случайно, не русская?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Да потому,

что некоторые русские дамы умеют возводить стройные логические построения, основываясь на ложных посылах и ложных умозаключениях, а потом предъявлять претензии к другим. Очень привлекательная, очень женственная и очень опасная черта.

*Смерть в Америке очень
дорогая штука.*

*... воспоминания чрезвычайно опасны;
если ты вступишь на путь воспоминаний,
то окажешься на узких мостках без перил,
по обе стороны которых — пропасть;
пробираясь по этим мосткам, нельзя
ни иронизировать, ни размышлять, можно
только идти вперед не раздумывая.*

*Если не сумеешь забыть прошлое или
зачеркнуть его — оно убьёт тебя.*

Счастливы все, кто здоров. Только пока ты здоров, этого не замечаешь. И стоит тебе поправиться, ты снова все забываешь. По-настоящему это можно осознать лишь перед смертью.

*Счастье — не стабильное
состояние, а лишь зыбь на
воде.*

Трусость в соединении с жесткостью как раз и являются логическим следствием любой тирании.

Часть сцен была состряпана по вульгарным шаблонам популярных ковбойских фильмов о Диком Западе. Та же гангстерская мораль, те же банальные ситуации, когда противники одновременно выхватывают пистолеты и каждый старается выстрелить первым. Всё это по сравнению с тем, что происходило в Германии с ее бюрократически рассчитанными убийствами, с воем бомб и грохотом орудий, производило впечатление безобидного фейерверка. Я понял, что даже у авторов, набивших руку на фильмах ужасов, не хватает фантазии, чтобы представить себе всё происходившее в Третьем Рейхе.

Мир полон добрых людей, но замечаешь это, лишь когда оказываешься в беде. И это является своего рода компенсацией за трудные минуты жизни. Удивительный баланс, заставляющий в минуты отчаяния уверовать даже в очень далёкого, обезличенного, автоматического Бога, восседающего перед пультом управления. Впрочем, только в минуты отчаяния — и никогда больше.

*Вещи начинают говорить, только
когда на них долго смотришь. А те
вещи, которые говорят сразу, далеко
не самые лучшие.*

*Возврата быть не может, ничто не стоит
на месте: ни ты сам, ни тот, кто рядом
с тобой. Всё, что от этого остаётся в конце
концов, — это редкие вечера, полные грусти, —
грусти, которую чувствует каждый человек,
ибо всё преходяще, а он единственное существо
на земле, которое это знает, как знает и то,
что в этом его утешение. Хотя и не понимает
почему.*